
**КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

**КИТАЙ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ
НА РУБЕЖЕ 2015–2016 гг.***

© 2016 г. В. Михеев, С. Луконин

В статье рассматриваются новые факторы, определяющие будущее экономическое и политическое развитие Китая. Наиболее значимыми среди них в конце 2015 – начале 2016 г. стали: военная реформа; новая стратегия экономического и демографического развития (реформа предложения, отмена правила “одна семья, один ребенок”); а также продолжение формирования активной внешней политики Китая. В заключение выделены и сформулированы основные экономические и политические вызовы, с которыми Китай столкнется в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: мировая экономика, Китай, внешняя политика, экономический пояс Шелкового пути, концепция “Один пояс, один путь”.

Статья поступила в редакцию 04.02.2016.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34

В 2015 – начале 2016 г. наиболее значимыми факторами, определяющими политическое и экономическое развитие Китая стали:

во-первых, развитие внутриполитической обстановки, включая военную реформу и новые идеологические ответы Си Цзиньпина на критику его курса со стороны части консервативной партийной элиты;

во-вторых, экономические итоги прошедшего года, свидетельствующие о продолжающемся замедлении, и новая стратегия развития китайской экономики;

в-третьих, изменение демографической ситуации в Китае после окончания “эры одного ребенка”, то есть после того, как китайские власти разрешили всем без исключения супружеским парам иметь второго ребенка;

в-четвертых, продолжение формирования новой, активной по своему содержанию, внешней политики Китая с акцентом на Евросоюз, Восточную Европу, ШОС, Ближний Восток и Африку.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

В конце 2015 г. Си Цзиньпин продолжает наращивать реформаторскую и политическую активность по двум векторам:

первый – укрепление своей личной власти внутри партии и армии (в последнее время – с акцентом на армию). В китайской партийной прессе Си стали регулярно именовать не только Генеральным секретарем ЦК КПК и Председателем КНР, но и непременно (через запятую) “Председателем Центрального военного Совета КНР” [1, 2];

второй – поиск новых идеологических ответов на критику политики Си со стороны левацкой части партийного руководства, недовольного ростом класса капиталистов и усиливающимся расслоением китайского общества. Си Цзиньпину не удалось смягчить такого рода недовольство идеологическими новаторствами в рамках концепции “китайской мечты” [3].

Раскрутка этой темы в первые годы правления Си не привела к тому эффекту “социального примирения”, на который он рассчитывал. Идеологическая возможность понимать под “китайской мечтой” то, что каждый считает важным (“*возрождение Китая*” или *новая квартира, или машина*), далеко не у всех китайских граждан подкрепляется материальными возможностями. Почти половина населения, пока недополучившая от реформ реальных социальных дивидендов, по-прежнему продолжает считать себя “проигравшей” и в той или иной степени ностальгирует по прошлому “социалистическому равенству”.

МИХЕЕВ Василий Васильевич, чл.-корр. РАН, зам. директора ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikheev@imemo.ru).

ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук, зав. сектором ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sergeylukonin@mail.ru).

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект № 15-27-21002 “Фактор Восточной Европы и России в реализации китайской мегастратегии экономического пояса Шелкового пути”) в ИМЭМО РАН.

В моменты ухудшения экономической ситуации или обострения обстановки на финансовых и валютных рынках такого рода недовольство форматируется в критические настроения той части политической элиты, которая не уверена в том, что капиталистический либерализм лучше подходит для борьбы с современными экономическими и финансовыми трудностями, чем командное государственное регулирование.

Военная реформа

В ноябре–декабре 2015 г. в Китае форсированно проводится *военная реформа* [4]. *Политическая составляющая* реформы – устранение сопротивления армейской верхушки антикоррупционной политике Си Цзиньпина. Си, как он и планировал годом ранее, переходит от “охоты на крупные армейские фигуры” (так называемых “тигров”) к попытке устранить *институциональные основы* коррупции в армии.

В ходе реформы реорганизуются “четыре штаба” китайских вооруженных сил: Генеральный штаб, Главное политическое управление, Главное управление тыла, Главное управление вооружений – в качестве основных, по мнению нового китайского лидера, источников армейской коррупции. В соответствии с реформой Генштаб переходит в непосредственное подчинение Центрального военного Совета (ЦВС). Оставшиеся Управления ликвидируются, а их функции передаются ЦВС. Сокращается количество политических комиссаров. Численность армии уменьшится на 300 тыс. человек, из них 170 тыс. – это офицеры, в основном из трех ликвидируемых управлений [5].

Одновременно, по задумке авторов реформы, повышается роль ЦВС (*возглавляемого лично Си*) как при принятии решений, так и в их исполнении.

В ЦВС создается 15 новых структур.

- Три комиссии: 1) комиссия по *проверке дисциплины*, обладающая самыми широкими полномочиями; 2) комиссия по “политике и закону”; 3) комиссия по науке и технике.

- Канцелярия ЦВС.

- Пять других управлений и канцелярий: 1) управление по делам учреждений; 2) ревизионное управление; 3) канцелярия международного военного сотрудничества; 4) канцелярия реформ и организационной структуры; 5) канцелярия стратегического планирования.

- Шесть новых отделов: 1) объединенный штаб начальников штабов трех видов вооруженных сил (сухопутные, военно-морские, военно-воздушные); 2) управление политической работы (*которое будет, как предполагает реформа, “по-новому”, в*

плане противодействия коррупции и поддержания “руководящего авторитета партии”, организовывать работу урезанного числа партийных комиссаров); 3) управление тыловой поддержки; 4) управление обновления вооружений; 5) управление обучения; 6) управление национальной обороны, чья роль, как предполагается, будет резко возрастать в случае реальных военных действий.

Си во время встречи с главами всех новых ведомств в январе 2016 г. охарактеризовал проведенные изменения как *“прорыв”* и *“решающий шаг”* на пути *“к созданию более сильной армии Китая”*. По его задумке ЦВС наделяется *“абсолютной властью”* в армии, а новая структура ЦВС будет *“лучше выполнять партийные приказы”* [6]. Реформа предполагает *модернизацию* китайской армии до *“мирового уровня”* на современной инновационной основе и *“повышение эффективности”* управления вооруженными силами. В этих целях вместо семи военных округов создаются *пять “боевых зон”*: *Восток, Запад, Юг, Север и Центр*. Одновременно упраздняется старая структура управления армией с акцентом на сухопутные войска. Вместо этого, как отмечалось выше, создается объединенное командование штабов всех трех родов вооруженных сил.

В развитие темы о “сильной армии”, как и в подтверждение новых внешнеполитических амбиций Пекина, в начале 2016 г. китайское руководство вносит изменения в военное законодательство. В КНР принимается закон, разрешающий *применение вооруженных сил за пределами страны* [7].

В политическом смысле реформа позволяет Си Цзиньпину избавиться от той части военной верхушки, которая в последние месяцы выражает нарастающее недовольство антикоррупционной политикой Пекина, и ввести в армейское руководство верные Си кадры.

Идеология

В конце 2015 г. в Китае со стороны функционеров, прямо или косвенно пострадавших от антикоррупционной реформы, и близких к ним интеллектуалов все более громко и открыто звучат обвинения Си в “узурпации власти”, “отходе от идей Дэн Сяопина о коллективном руководстве”, “пренебрежении партией”, “практической дестабилизации административного руководства страной (*чиновники боятся принимать какие-либо решения*)”, “ухудшении экономической ситуации” и т.п. Антикоррупционной кампании вменяется в вину нарастающее бегство за рубеж китайского капитала, опасаящегося за свою судьбу на материке. По китайским оценкам 30 млрд. долл., незаконно ушедших в 2015 г. из

Китая только через провинцию Гуандун, являются лишь “верхушкой айсберга” [8]. С масштабным бегством капитала связываются и рост спекулятивных операций на фондовом рынке и, как следствие этого, усиливающаяся финансовая нестабильность китайской экономики.

Либеральные экономические реформы Си, на фоне финансовых проблем последнего года и борьбы с коррупцией, вызывают недовольство со стороны *трех главных сил* – скрытых противников Си Цзиньпина внутри страны: 1) чиновников и бизнесменов, пострадавших от антикоррупционной кампании; 2) партийных ортодоксов и 3) так называемых “новых левых”, критикующих экономическую политику Пекина за обостряющиеся социальные дисбалансы в китайском обществе и “отход от социализма”.

Идеологический ответ Си Цзиньпина на критику прозвучал на ноябрьском (2015 г.) совещании ЦК КПК по проблемам развития марксизма в Китае в традиционном для китайского руководства варианте – нацеленным на то, чтобы “успокоить” и сторонников, и противников реформ. В идеологическое пространство был брошен тезис о том, что рыночные реформы в Китае “не противоречат марксизму”, но, напротив, “наполняют его китайской спецификой” [9].

В качестве варианта ответа на обвинения в “отходе от идей Мао и Дэна” можно рассматривать и тот факт, что в своих выступлениях Си все чаще использует сложные для понимания современным китайцем старые иероглифы времен Мао, Дэна и даже Конфуция – проводя тем самым идею “исторической преемственности нынешней политики”. Параллельно в идеологическое внутривластное пространство вбрасываются лозунги, также созвучные со старыми временами, о необходимости “твёрдо соблюдать партийную дисциплину”, “спланироваться вокруг руководства КПК” и т.п.

Пока Си Цзиньпину удается удерживать ситуацию под контролем. В Китае нет *организованной внутривластной или внесистемной оппозиции*. Однако тот факт, что антикоррупционная борьба затрагивает личные интересы многих влиятельных в Китае фигур, заставляет Си и его сторонников искать варианты все более жесткого контроля над политическим истеблишментом как в идеологическом, так и в силовом аспектах – в целях недопущения даже намека на появление организованной оппозиции.

Экономика

В экономике Китая складывается сложная конфигурация проблем и реформ.

Главные из них, а это относится и к существующим проблемам, и к содержащимся реформам, связаны со

вступлением Китая в *новый этап экономического развития*.

Происходит “*усложнение*” китайской экономики. Увеличивается число экономических субъектов, сейчас их более 75 млн. ед. [10]. Вследствие стимулирования властями движения китайского капитала из развитых восточных районов в менее развитые центральные и западные *многократно усложняются кооперационные связи между предприятиями*. Начинается активная фаза либерализации фондового и валютного рынков. Растет доля услуг, которая в 2015 г. превысила 50% китайского ВВП [11]. *Китайское правительство сталкивается с незнакомыми ему проблемами более высокой стадии рыночного развития*.

Все это затрудняет прогнозирование результатов действий китайских властей не только внешними наблюдателями, но и самим китайским руководством. Традиционные для Китая методы экономического стимулирования (*государственные программы поддержки промышленности, государственные инвестиции в инфраструктуру и вторичный сектор экономики, стимулирование спроса за счет удешевления кредитов и т.п.*) теряют свою эффективность. Китай приступает к поиску *новых механизмов регулирования экономики*.

Однако этот процесс идет не гладко. В конце 2015 – начале 2016 г., как и в августе 2015 г., Китаю не удается предотвратить новый виток турбулентности фондового рынка, вызванной ростом спекулятивных настроений игроков и недостаточной эффективностью работы регулирующих инстанций. Не удается ему и поддержать стабильный курс китайской валюты. На фоне ожиданий полной конвертации юаня в 2016 г. трейдеры начинают играть на понижение.

В “*активе*” китайского правительства – решение МВФ о включении юаня в корзину валют СДР, что само по себе способствует укреплению международных позиций китайской валюты и китайской экономики в целом. В Пекине понимают, что такое решение не означает автоматически превращения юаня в мировую резервную валюту. Для этого потребуется время. Центробанки ведущих стран мира должны будут “поверить” в надежность юаня. Однако стратегически изменение мирового статуса китайской валюты – это шаг в перспективном и желаемом для Китая направлении упрочения глобального влияния Пекина.

Решения МВФ налагают на Пекин обязательства ускоренного реформирования финансовой системы и перехода к свободной конвертируемости юаня не только по торговым операциям, но и по капитальным счетам, что должно быть сделано в ближайшие два-три года. И в этом видится новый вызов

для существующей сегодня китайской модели экономического регулирования. Ответ на него не до конца понятен и самому Пекину. В китайском правительстве признают, что они сами не вполне ясно понимают, к каким валютно-финансовым и экономическим последствиям может привести полное снятие ограничений на трансграничное движение капитала.

Основные экономические итоги 2015 г.

Выход на новую стадию рыночных реформ сопровождается *замедлением темпов экономического роста КНР*. Ситуация осложняется продолжающимся трендом сокращения внешнего спроса на китайскую продукцию со стороны рынков развитых стран – главных внешнеторговых партнеров Китая.

В 2015 г. практически все основные экономические показатели снижались. По официальным данным, в 2015 г. темпы прироста ВВП Китая, рассчитанного в китайских юанях, составили 6.9% против 7.4% в 2014 г., объем ВВП достиг 67.8 трлн. юаней (примерно 10.4 трлн. долл. по текущему курсу) (см. табл.[12]).

Здесь важно подчеркнуть, что сами по себе темпы прироста ВВП Китая в 2015 г. трудно считать “провалом” и, тем более, кризисом. Простой арифметический подсчет показывает, что 6.9% прироста ВВП для экономики “весом” в более чем 10 трлн. долл. – это около 700 млрд. долл. В количественном долларовом выражении такой прирост сопоставим с двузначными цифрами прироста ВВП, например, такой страны, как Россия.

Тем не менее, несмотря на продолжение в целом долголетнего тренда роста экономики Китая и в 2015 г., замедление темпов прироста ВВП за последние десятилетия до “минимального” уровня заставляет китайское руководство искать *“узловые, критические” проблемы* в национальной экономике, решив которые, можно было бы исправить ситуацию.

Среди таких проблем китайские эксперты в первую очередь выделяют следующие.

Во-первых, замедление темпов прироста инвестиций в основные фонды. Китайское экономическое руководство справедливо полагает, что наращивать с прежней скоростью государственные инвестиции *внутри страны* уже нельзя. Продолжение традиционной политики стимулирования инвестиционного спроса несет риски увеличения избыточных мощностей и, соответственно, затоваривания продукцией; консервирования устаревшего производства; усугубления экологической ситуа-

ции и – в финансовом плане – роста за критические пределы корпоративной задолженности.

Во-вторых, как это отчасти упоминалось выше, превращение в стратегическую, долгосрочную тенденцию замедления роста и, по отдельным рынкам, – абсолютное сокращение *внешнего спроса* на китайские товары. Таким образом, “рассчитывать на *экспорт товаров* больше не приходится”. В этой связи попытка перейти от экспорта товаров к экспорту капитала в рамках стратегии Шелкового пути видится логичным продолжением рыночного развития Китая.

В-третьих, снижение, несмотря на рост доходов, *покупательской активности* наиболее преуспевающего в ходе реформ “верхнего сегмента” среднего класса. Проблема состоит в том, что “новые богатые” и “новые преуспевающие” предъявляют и “новые требования” к качеству товаров и услуг в соответствии с “новыми потребностями” в высококачественной, а не просто “хорошей”, обуви, одежде, косметике, медицинских и образовательных услугах и т.п.

В 2015 г. около 100 млн. китайских туристов за рубежом потратили почти 230 млрд. долл. на приобретение люксовых товаров[13]. В США “средний чек” китайского туриста составил около 3 тыс. долл. Поездки на одну или две недели на медицинское обследование либо лечение в Японию или Южную Корею приносит этим странам от одной до десяти тысяч долларов на человека[13].

В-четвертых, китайских экспертов беспокоят *риски всплеска безработицы* в связи с инновационной перестройкой национальной экономики. Например, “Интернет-торговля”, распространение которой в Китае стремительно растет, сокращает спрос на рабочие места в традиционных магазинах и универмагах. При этом в связи с меньшей трудоемкостью отраслей “новой экономики” и количество вновь создаваемых здесь рабочих мест меньше количества мест сокращаемых.

В-пятых, это проблема так называемых *“компаний-зомби”*, то есть компаний де-юре существующих, но реально практически не работающих. Значительная часть из них – муниципальные или провинциальные компании, поглощающие деньги региональных бюджетов. Несмотря на их неэффективность и большие долговые риски для местных правительств, власти не спешат избавляться от балласта, видя в существовании таких компаний инструмент обеспечения занятости населения и, соответственно, фактор поддержания социальной стабильности.

В-шестых, многие близкие к правительству китайские эксперты начинают тиражировать “алармистские настроения” (*что отчасти может пе-*

Таблица. Сравнение социально-экономических показателей развития КНР

	2015	2014
Темпы прироста ВВП, %	6.9	7.4
Доля первичного сектора в ВВП, %	8.99	9.17
Доля вторичного сектора в ВВП, %	40.53	42.64
Доля третичного сектора в ВВП, %	50.47	48.19
Объем внешней торговли, трлн. долл.	3.75 (-7.0%) ¹	4.19 (+2.3%) ²
Экспорт, трлн. долл.	2.15 (-1.8%) ¹	2.28 (+4.9%) ²
Импорт, трлн. долл.	1.59 (-13.2%) ¹	1.91 (-0.6%) ²
Общий объем розничных продаж потребительских товаров, %	+10.7 ¹	+12.0 ²
Общий объем инвестиций в основные фонды, %	+10.0 ¹	+15.3 ²
Общий располагаемый доход на душу населения, долл.	3348 (+8.9%) ¹	3200 (+10.1%) ²
Индекс потребительских цен, %	1.4	2.0

¹ по сравнению с 2014 г.² по сравнению с 2013 г.

Источник: [12].

редаваться и западным наблюдателям), полагая, что «снижение темпов прироста ВВП приближается к «красной черте»». Для достижения политических целей «построения общества среднего достатка до 2020 г.», по их расчетам, среднегодовые темпы прироста ВВП в ближайшие пять лет должны составлять не менее 6.5%. Это может оказаться, по мнению части китайских аналитиков, трудно осуществимой задачей на фоне отмеченных выше «критических проблем развития».

Наиболее значимым, по справедливому суждению китайских экспертов, **позитивным моментом** 2015 г., по крайней мере, с точки зрения распространенных в экономической теории взглядов, можно считать обозначившуюся новую тенденцию постепенного **превращения сектора услуг в главный драйвер** экономического роста Китая.

По своей сути эта тенденция отражает то обстоятельство, что китайское «общество потребления» переходит к следующей фазе развития – когда на фоне удовлетворения потребностей в потребительских товарах растет потребность в различного рода новых для среднего китайца услугах, например, поездках за рубеж. Особой популярностью пользуется внутренний туризм: в дни национальных праздников число человеко-поездок с туристическими целями внутри Китая превышает один миллиард. По критериям Всемирного банка, Китай уже сейчас относится к странам со «средне-высоким уровнем дохода». Что означает удовлетворение первичных потребностей в еде, одежде и т.п. и нарастающее

увеличение доли расходов на услуги в семейных бюджетах.

Корректировки экономического курса

Несмотря на накопившиеся к началу 2016 г. проблемы, **политические власти пока сохраняют контроль** над экономической ситуацией в Китае.

В стратегическом плане реакцией на замедление экономического роста остается курс на «продолжение», а не свертывание рыночных реформ с акцентом на «повышение эффективности» китайской экономики. Среди, как представляется, наиболее значимых шагов в данном направлении можно выделить следующие.

Первый. Пекин заявляет о переходе к активной фазе реформы госпредприятий – до сих пор наиболее консервативного звена китайской экономики.

Второй. В условиях вялого международного спроса и недостаточно быстрого роста внутреннего потребительского спроса Китай провозглашает **переход в 2016 г. к новой экономической политике**, основанной на **стимулировании внутреннего предложения** за счет ослабления налогового, административного и иного давления на частный бизнес. В частности, КНР будет стимулировать налоговыми льготами предприятия, работающие не на внешний, а на внутренний рынок. Планируются меры, пока еще не ясно какие именно, по стимулированию внутреннего потребления как частными домохозяйствами, так и предприятиями.

Американские и гонконгские эксперты сравнивают намеченные Пекином шаги в указанном направлении с оказавшейся в свое время полезной для США так называемой “рейгономикой”.

Третий. В том же направлении экономической либерализации действует и реформа фондового рынка, предусматривающая переход от разрешительной к регистрационной модели размещения (*Initial Public Offering – IPO*), а также отмену ограничений на торговлю ценными бумагами на китайских биржах в случае падения рынка.

Четвертый. Китай вновь возвращается к политике *стимулирования рынка недвижимости*.

После кризиса 2008–2009 гг. и под сильным воздействием американской экономической мысли и СМИ, по сути “запугавших” китайских экспертов угрозой повторения в Китае американского ипотечного кризиса, китайское руководство пошло на введение сильных ограничений на покупку жилья населением. При этом не была учтена специфика большой значимости данного сектора для экономики, обеспечивавшего около 16% прироста ВВП.

В результате избыточное ограничение рынка недвижимости привело к резкому сокращению инвестиций в сектор строительства, к уменьшению объема продаж коммерческой и жилой недвижимости. Особо чувствительные потери от сокращения строительства несли местные бюджеты, недополучавшие привычные уже к тому моменту объемы бюджетных поступлений. В результате нехватки денежных средств в 2015 г. существенно обострилась ситуация с задолженностью региональных властей, замедлились темпы роста связанных со строительной отраслью смежных производств, рост безработицы стал создавать угрозы социальной стабильности в регионах.

На этом фоне в Китае принимается ряд мер для исправления ситуации.

Разрабатывается программа поддержки покупки недвижимости в городах сельскими жителями за счет налоговых возмещений или прямых субсидий. Хотя, по мнению китайских экспертов, при всей привлекательности подобного новаторства остается не совсем понятным, как в новые схемы будет вписываться сохраняющаяся система регистрации селян в городах.

Иницируется политика, ориентированная на понижение стоимости продаж недвижимости за счет предоставления льготных кредитов застройщикам. Планируется отмена ограничений на количество единиц недвижимости в собственности одного человека.

Вместе с тем, как считает ряд китайских экспертов, власти пока не нашли ответа на один из самых главных вызовов строительному “бизнесу на льгот-

ных условиях” – проблеме так называемых “пустых городов”. Речь идет о тех районах в крупных городах или о тех небольших городках, где после завершения строительства оказывается, что на жилье или офисные помещения вообще нет спроса.

Пятый. Китай принял принципиальное политическое решение о возможном *увеличении*, в целях финансирования стратегии “китайской рейгономики”, *дефицита государственного бюджета* с нынешних 2.3–2.5% ВВП до более высоких показателей, при необходимости превосходящих 3%-ный рубеж.

План социально-экономического развития на 2016–2020 гг.

В марте 2016 г. на политическом уровне был одобрен новый пятилетний план экономического развития КНР, который в стратегическом аспекте по существу *продолжает экономическую линию* Пекина последнего десятилетия с акцентированием задач обеспечения “устойчивого развития экономики”, “инновационного роста” и “модернизации экономики”.

Главный новый компонент плана – “реформа производственно-сбытовой сферы экономики”, предполагающая принятие пакета стимулирующих мер, которые бы позволили запустить “новый спрос” (на высококачественные товары и услуги) и “организовать” соответствующий ответ со стороны “новой промышленности”, основанной на инновациях.

Основные проблемы, которые предстоит решить в рамках “*устойчивого развития экономики*”, формулируются в варианте, в целом повторяющем наработки предыдущего пятилетнего плана:

- предотвращение увеличения разницы в доходах населения;
- поиск выхода из так называемой “ловушки средних доходов”;
- переход от политики дешевого экспорта к политике внутреннего потребления, в первую очередь за счет развития сектора услуг.

Однако далеко не все китайские эксперты уверены в том, что в предстоящие пять лет удастся существенно продвинуться в решении этих традиционных, по сравнению с предыдущей пятилеткой, проблем. По их мнению, с которым можно скорее согласиться, чем полемизировать, фактор “усложнения китайской экономики”, повышающий риски неопределенности развития событий, будет требовать в ближайшие пять-десять лет не столько стратегических инициатив, сколько эффективной реакции на изменения текущей экономической и – что особенно важно – финансовой ситуации.

Наиболее амбициозным пунктом плана представляется упоминавшаяся выше задача **реформы государственных компаний**, также с постоянством включавшаяся во все последние пятилетние планы.

На этот раз экономическая политика фокусируется на следующих (так и остающихся нерешенными на протяжении последних лет) проблемах госпредприятий: избыточные мощности, корпоративные долги, раздутые нерентабельные активы, чрезмерный контроль государственных органов, монопольное положение госпредприятий в большинстве стратегических секторов экономики и т.п.

Все эти проблемы рассматриваются китайским правительством как “стратегические угрозы модернизации, свободной конкуренции и развитию инноваций”.

Однако *у Китая до сих пор нет четкого понимания* того, как именно решать данные проблемы, и каковой именно в итоге окажется приемлемая для политической власти степень вовлеченности государства в ежедневное управление госкомпаниями.

Возможные варианты реформы предполагают такие распространенные в мировой практике решения, как слияние и поглощение, частичная приватизация или полная приватизация, акционирование с допущением к частичному владению предприятием иностранного капитала и т.д. При этом остается не ясным, будут ли все-таки озвучены конкретные детали реформы госпредприятий в окончательной версии плана или, как и прежде, дело ограничится общими заявлениями.

Вместе с тем, судя по предварительным данным, на *политическом уровне* получила окончательное закрепление главная идея реформы госпредприятий как важнейшей составляющей китайской экономики, а именно идея **“перебалансировки структуры китайской экономики** в плане доминирования той или иной формы собственности **в пользу частных компаний”**.

Такое стратегическое решение, отмечают китайские экономисты, повлечет за собой необходимость принятия нового более жесткого законодательства в отношении защиты частной и интеллектуальной собственности, необходимость проведения судебной реформы, развития современной конкурентной бизнес-среды и т.п.

В контексте начинающейся реформы госпредприятий Госсовет КНР в ноябре 2015 г. выпустил директиву о повышении контроля за госкорпорациями, которая предполагает: усиление публичного контроля над их работой, раскрытие госкорпорациями информации о своей деятельности, повышение ответственности работников за убытки и потери госсобственности и т.п.

Данная директива стала третьим документом такого рода за последний квартал 2015 г. Первые два документа фокусировались на вопросах развития системы смешанного владения госпредприятиями и повышении качества управления госсобственностью. Они предполагают:

- установление контроля за управленцами высшего звена со стороны совета директоров предприятия (раньше контроль осуществлялся соответствующими министерствами);
- создание дополнительно наблюдательного совета, который в свою очередь контролирует и совет директоров, и управленцев высшего звена;
- сохранение партийных ячеек в составе госкорпораций, которые также выполняют контролирующие функции в плане проведения партийной линии на реформы и борьбу с коррупцией.

В дополнение к сказанному, Комиссия по управлению государственными активами открывает свои представительства (отделения) в каждой корпорации для мониторинга ее деятельности, выявления и расследования нарушений.

В контексте борьбы с коррупцией китайским правительством принимается пилотная система назначения в госкорпорации *независимых* бухгалтеров.

Особое место в новом плане отведено проблемам **экологии** – в свете принятых на себя Пекином обязательств по сокращению выбросов CO_2 на последнем Экологическом саммите в Париже, а также резко обострившейся экологической обстановки в центральных городах Китая (смог, рост числа легочных заболеваний и т.д.).

Демографическая ситуация

Важнейшим фактором дальнейшего развития Китая становится динамика *демографической ситуации*.

В конце 2015 г. произошла **смена одной парадигмы развития** – “население как ограничение экономического роста” на другую – **“население как стимул экономического роста”**.

27 декабря 2015 г. Постоянный комитет всекитайского собрания народных представителей принял решение о пересмотре Закона о народонаселении и плановом деторождении, согласно которому (решению) в Китае **с 1 января 2016 г. реализуется новая политика “одна семья – два ребенка”** (полная отмена ограничений на рождение второго ребенка).

В последние пять-семь лет старение населения стало рассматриваться китайским руководством как один из главных социально-политических и экономических вызовов Китаю. К 2050 г. числен-

ность лиц, достигших возраста более чем 65 лет, будет насчитывать около 25% от прогнозируемого общего количества населения. Прогнозируется, что к этому времени на 100 человек в вилке от 20 до 64 лет будет приходиться 45 человек в возрасте более 65 лет (в 2014 г. соответствующий показатель составил 15 человек) [14].

Данная проблема, без стимулирования рождаемости, по мнению китайских аналитиков, может оказывать негативное давление на экономику Китая и приведет к существенному удорожанию рабочей силы и формированию ее дефицита, а также к перенаправлению государственных инвестиций из области инновационного развития и модернизации в сферу пенсионного и медицинского обеспечения.

По китайским оценкам, отмена политики “одна семья – один ребенок” наделит правом рождения второго ребенка дополнительно около 90 млн. семейных пар, что в свою очередь может стимулировать повышение спроса на рынке недвижимости, в сфере образования и медицинских услуг, снизит критичность проблемы старения населения и нагрузки на пенсионную систему [15].

Китайские эксперты прогнозируют, что численность населения к 2030 г. составит 1.45 млрд. человек, а *вклад фактора увеличения рождаемости в прирост ВВП будет на уровне около 0.5 п.п.* [16]

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В конце 2015 – начале 2016 г. Китай продолжает наращивать *многовекторную внешнеполитическую активность*.

После принятия Соединенными Штатами в декабре 2015 г. решения о продаже оружия Тайваню отмечалось частичное и временное усиление напряженности. Однако подобного рода обострения отношений носят скорее *“традиционно демонстративный”* характер (*Китай не может не реагировать негативно на то, против чего он всегда выступает, в данном случае продажи оружия Тайваню*) и *не подрывают* общей стратегии на выстраивание “отношений стратегического взаимодействия нового типа” между Китаем и США как между “двумя мировыми лидерами”. В конце 2015 г. Пекин обозначил новый акцент в своей *западноевропейской* политике – на приоритетное развитие отношений с *Англией*. Своего рода прорывом стало подписание в ходе визита Си в Лондон ядерного контракта, который предусматривает совместное строительство атомных судов.

Восточная Европа. В декабре 2015 г. в Китае прошел четвертый Саммит Китай – 16 стран Восточной Европы (бывшие социалистические страны), на котором обсуждались пути строитель-

ства объектов “Шелкового пути” в обход России и Украины в условиях продолжающегося военного конфликта на Украине [10]. Резонанс Саммита был настолько значителен, что Австрия и Греция выразили готовность стать наблюдателями процесса Китай+16.

Африка была обозначена как один из важнейших внешнеполитических приоритетов Пекина “на дальних территориях”. На состоявшемся в ноябре 2015 г. Саммите Китай–Африка Пекин обещал инвестировать в ближайшие годы в африканские страны до 60 млрд. долл. на погашение просроченной задолженности и развитие инфраструктуры – в обмен на допуск китайских корпораций на африканские рынки и к африканским природным ресурсам, включая запасы редкоземельных металлов и урана.

Пекин использовал *Экологический саммит в Париже* для повышения своего престижа в глазах и развивающихся стран, взяв на себя, по характеристикам западных СМИ, роль той “силы, которая помогла сблизить позиции сторон при принятии итоговой декларации”.

Пекин реанимировал трехсторонние переговоры по соглашению о *Свободной торговле в формате Китай–Япония–Южная Корея* на фоне вступления в силу аналогичных двусторонних соглашений Китая с Южной Кореей и Австралией. И хотя до выхода на подписание окончательного документа трем странам Северо-Восточной Азии предстоит пройти долгий, и пока не понятно, насколько долгий, путь, сам факт возобновления работы данного трехстороннего формата свидетельствует о возрастающей региональной активности Китая и на *внешнеэкономическом* направлении.

Параллельно с отмеченными процессами Китай старается перефокусировать деятельность *ШОС*. На последней встрече премьер-министров стран ШОС в декабре 2015 г. Пекин особо акцентировал стратегическую значимость “сопряжения” ШОС и экономического пояса “Шелкового пути”. И одновременно – идею создания зоны свободной торговли ШОС (*последняя идея пока по-прежнему не встречает поддержки российского правительства, опасаящегося конкуренции китайских производителей на внутреннем российском рынке*).

Намечается новая активность на *ближневосточном направлении*. В январе 2016 г. стартовал четырехсторонний формат *по Афганистану* (Китай, США, Пакистан и Афганистан) без российского участия. Китай намеривается использовать данный формат переговоров прежде всего в целях налаживания диалога между властями Афганистана и талибами. Пекину стратегически необходима стабильность и безопасность на тех афганских терри-

ториях, через которые будет проходить “Шелковый путь” и которые контролируются “Талибаном”.

В январе 2016 г. Си посетил *Иран, Саудовскую Аравию и Египет*, ставя наряду с экономическими задачами и политические цели повышения роли Китая в сирийском урегулировании и борьбе с ИГИЛ.

На Тайваньском направлении достигнут “исторический прорыв”: в ноябре 2015 г. в Сингапуре прошла первая в истории встреча руководителей КНР и Тайваня. Главная ее цель состояла в оказании политической поддержки Пекина правящей на тот момент тайваньской партии Гоминьдан в преддверии январских (2016 г.) президентских и парламентских выборов. Фаворитом выборов уже тогда была оппозиция, выступающая против нынешней политики экономического и культурного “чрезмерного”, на ее взгляд, сближения, и видящая в последнем риски поглощения Тайваня Китаем.

Однако помощь Пекина не помогла Гоминьдану. На президентских и парламентских выборах с большим отрывом победила Демократическая прогрессивная партия. В Пекине поспешили заявить, что результаты выборов “не влияют” на политику КНР по отношению к Тайваню, нацеленную на его вовлечение в экономическое и культурное сотрудничество с материковым Китаем и таким образом на постепенное формирование основ для “возвращения Тайваня” в отдаленном будущем.

Главным для Китая было добиться от нового тайваньского руководства подтверждения старых договоренностей Пекина и Тайбэя о “сохранении статус-кво в Проливе” (в совместном Коммюнике 1992 г. лидеры КПК и Гоминьдана договорились о взаимной приверженности принципу “одного Китая”, но при этом уточнили, что “каждая сторона вправе толковать этот принцип по-своему”).

В целом можно утверждать, что новое тайваньское руководство такого рода заверения дало с некоторыми политически мало значимыми нюансами – как, например, призывы общего содержания к уважению “флага Тайваня”, “учету мнения тайваньского населения” и т. п. Такой ход новых тайваньских властей естественным образом снимает угрозу возникновения прямого военного конфликта в тайваньском Проливе в связи с результатами выборов, хотя и делает отношения Пекина и Тайбэя менее “близкими”, чем при правлении Гоминьдана.

Китай – Россия

Происходящие изменения во внешней политике Китая прямо или косвенно будут влиять на *российско-китайские отношения*. Китай будет продолжать развивать энергетические, торговые, инве-

стиционные, технологические, финансовые связи с Россией – видя в этом один из факторов роста китайской экономики.

В то же время для реализации собственных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Пекин в отношении с Москвой будет:

- настойчивее проводить линию на заключение соглашения о свободной торговле в рамках ШОС;
- добиваться доброжелательной или нейтральной российской позиции по проектам “Шелкового пути” в Восточную и затем Западную Европу в обход РФ;
- уклоняться от поддержки России по тем вопросам внешней политики (например, по Сирии Пекин с самого начала российской операции считал “недостаточным” одних российских ударов по ИГ и выступал за коалиционные действия вместе с США), где такая поддержка может создать напряженность в отношениях Китая с Западом, Восточной Европой или развивающимися странами.

* * *

В заключение, прогнозируя развитие ситуации в Китае в 2016 г., можно предположить, что китайское руководство столкнется с тремя главными вызовами.

Первый вызов. Будет усиливаться противодействие антикоррупционной реформе Си со стороны той части партийной и военной элиты, которая пострадала от этой реформы. В ответ Си Цзиньпин пойдет на новое “закручивание гаек” – усиление внутрипартийной дисциплины и установление жесткого контроля над внутрисистемными и, тем более, внесистемными диссидентами. В свою очередь “ответным ответом” на “закручивание гаек” может стать еще больший рост раздражения и противодействия антикоррупционным реформам со стороны “оппозиции”, пока еще, впрочем, не оформленной в какие-либо организационные структуры.

Второй – вступление экономики Китая в новый этап развития, характеризующийся либерализацией фондового и валютного секторов экономики Китая. Результатом этого станет усиление потребности Пекина в новых механизмах управления, к которым правительство пока не совсем готово. И уже как следствия такой неготовности, можно ожидать усиления неопределенности в развитии китайской экономики, в том числе и новой дестабилизации финансового и валютного рынков Китая.

Третий вызов обусловлен переходом Пекина к новой, активной внешней политике на направлениях “Шелкового пути”, в региональных конфликтах, прежде всего на Ближнем Востоке, ини-

циативного участия в глобальном регулировании. Здесь Пекину в реализации его глобальных целей будет мешать сформировавшаяся за последние десятилетия традиция внешнеполитической пассивности, а также неготовность китайского внешнеполитического аппарата (*неготовность концептуальная и в плане практической политики*) к работе в духе “активности” и выдвижения

конструктивных, понятных и приемлемых для мировых лидеров идей.

Следствием такого рода “неготовности” может стать торможение в разработке и реализации внешнеполитических инициатив высшего руководства страны. Китай пока еще остается не до конца “созревшим” для роли мирового лидера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Китай реструктурировал военные ведомства*. [China Restructured Military Departments (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0112/c31521-9002075.html> (accessed 02.02.2016).
2. *Си Цзиньпин: Органы ЦВС должны фокусироваться на обеспечении победы в любой войне*. [Xi Jinping: Central Military Committee Bodies Should Focus on Ensuring Victory in Any War (In Russ.)] Available at: <http://russian.cri.cn/841/2016/01/12/1s571434.htm> (accessed 03.02.2016).
3. Луконин С., Луконина Ю., Михеев В. Дальше без заветов-3 (“Китайская мечта”, Ликэномика, амбиции лидерства). *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 2, сс. 13-23. [Lukonin S., Lukonina Yu., Mikheev V. Dal'she bez zavetov-3 (“Kitaiskaya mechta”, Likenomika, ambitsii liderstva) [Further – without the Testaments-3 (“Chinese Dream”, Likonomics, Ambitions of Leadership)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otноsheniya*, 2014, no. 2, pp. 13-23.]
4. *Вооруженные силы КНР перегруппированы в пять зон боевого командования*. [China's Armed Forces Regrouped in Five Zones of Military Command (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0202/c31521-9012425.html> (accessed 02.02.2016).
5. *Китайская армия строится в новом порядке*. [The Chinese Army is Being Built in the New Order (In Russ.)] Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2890341> (accessed 13.01.2016).
6. *Китай реструктурировал военные ведомства*. [China Restructured Military Departments (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0112/c31521-9002075.html> (accessed 02.02.2016).
7. *Will China's New Law Tackle Terror?* Available at: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-35199712> (accessed 03.01.2016).
8. *Китай заканчивает эру благополучия?* [China Ends the Era of Prosperity? (In Russ.)] Available at: <http://svpressa.ru/economy/article/140896/> (accessed 27.01.2016).
9. *Китай накануне 2016 года*. [China on the Eve of 2016 (In Russ.)] Available at: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2084&ret=640 (accessed 27.01.2016).
10. *How Many Companies in China?* Available at: <http://www.chinacheckup.com/questions/companies-in-china> (accessed 13.11.2015).
11. *China's Economy Realized a Moderate but Stable and Sound Growth in 2015*. Available at: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201601/t20160119_1306072.html (accessed 23.01.2016).
12. *National Bureau of Statistic of China*. Available at: <http://www.stats.gov.cn> (accessed 23.01.2016).
13. *How do Wealthy Chinese Spend Money Overseas*. Available at: <http://en.people.cn/n3/2016/0125/c90000-9008670.html> (accessed 25.01.2016).
14. *Tackling China's Demographic Challenges*. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2016/01/20/tackling-chinas-demographic-challenges/> (accessed 01.02.2016).
15. *Two-Child China Targeting Better Public Services*. Available at: <http://www.ecns.cn/2016/01-11/195449.shtml> (accessed 30.01.2016).
16. *Two-Child Policy Will Boost China's GDP Growth by 0.5%, Government Says*. Available at: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2015/11/10/two-child-policy-will-boost-chinas-gdp-by-0-5-govt-says/> (accessed 15.11.2015).

CHINA: NEW DEVELOPMENT TRENDS IN 2015–2016*(World Economy and International Relations, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 24-34)**Received 04.02.2016.**МИХЕЕВ Vasilii Vasil'evich (mikheev@imemo.ru),**Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**ЛУКОНИН Sergei Aleksandrovich (sergeylukonin@mail.ru),**Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article was prepared within the Russian Humanitarian Science Foundation grant (project no. 15-27-21002 «East Europe and Russia Factor in Implementation of China's Economic Belt Mega Strategy "The Silk Road"») in Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO).*

In this article, the most significant factors of 2015 – early 2016 are identified and analyzed, which define new trends in the political and economic development of China. Firstly, it is the domestic political situation evolution, including military reform and new ideological answers of Xi Jinping to the criticism against his course on the part of the Conservative party elite. Secondly, – the economic results of the past year, indicating the continued slowdown, and the new strategy for the Chinese economy development. Thirdly, it is the change in the demographic situation in China after the end of the “one-child policy”. And fourthly, – the continuation of a new China's foreign policy formation, active in content, with a focus on the European Union, Eastern Europe, the SCO, the Middle East and Africa. In conclusion, the main challenges that China will face in 2016 are identified. The primary challenge is the strengthening of opposition to Xi's anti-corruption campaign amongst the part of the Party and military elite, which have suffered from this campaign. In response, Xi Jinping will go for reinforcement of the party discipline and for establishment of strict control over intra- and, especially, non-systemic dissidents. Another challenge is the entry of China's economy into a new stage of development, characterized by increased uncertainty. The consequence of this will be Beijing's greater need for new control mechanisms that the government is not quite ready for. One more challenge is the transition to a new active foreign policy toward the “Silk Road”, in regional conflicts, particularly in the Middle East, and proactive participation in global governance. In that sphere, the main problem will be lack of preparedness among the Chinese foreign policy authorities (in terms of conceptual and practical politics) to work in the spirit of “activity” and promotion of constructive, understandable ideas acceptable to world leaders. The consequence of such “lack of preparedness” could be a slowdown in development and implementation of the Chinese leaders' foreign policy initiatives. China is still not fully ready for the world leader role.

Keywords: world economy, China, foreign policy, Silk Road Economic Belt, “One Belt, One Road” concept.

About authors:

МИХЕЕВ Vasilii Vasil'evich, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director.

ЛУКОНИН Sergei Aleksandrovich, Cand. Sci. (Economics), Head of Section of Economy and Politics of China.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34